

З. М. Кодар

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ФЕМИНИЗМА

Как известно, на смену феминизму приходит философия феминизма. И если феминизм первой волны определялся как феминизм равенства, то феминизм второй волны характеризуется как феминизм различия. Переход к постмодерну с его философией децентрации и работой на маргиналиях, приводит к наиболее развитой и современной форме феминизма – к постструктуралистскому феминизму. Как пишут Б. Нуржанов и А. Ержанова: «Главное что роднит феминизм с постструктурализмом, и что является их общим источником, это акцент на различии, для феминизма – фундаментальном различии полов» [1, с. 36]. Из дальнейших рассуждений отечественных философов выясняется, что «это различие не природного или биологического характера, а исключительно социального и культурного. Другими словами, различие мужчин и женщин социально конструируются, культурно культивируются, а «естественная», (природная) данность этого различия является не более чем идеологически закрепленным стереотипом» [1, с. 36]. Механизм такого конструирования носит языковой или дискурсивный характер. «Иначе говоря, номинация, сигнификация, и дискурсивная репрезентация половых различий является не отражением исходной объективной данности, а активным конструированием и формированием их» [1, с. 36 - 37]. Эта тенденция по сути дела и является основной в феминистском интеллектуальном движении.

Самым главным в современных феминистских философских концепциях является проблематизация женской субъективности. Это можно заметить в трудах французских феминисток: Элен Сиксу, Юлии Кристевой, Люс Иригарей, Розы Брайдотти, Джудит Батлер и других. Французский феминизм, представленный названными именами, называют постмодернистским феминизмом и даже постфеминизмом. Для их работ характерно использование теорий постмодернистов Дерриды, Фуко, Лиотара, идей радикального феминизма, постструктурализма. Общей темой для них является тема языка, власти и женщины. Ими введен термин «онтолого-фоно-фалло-центризм», обозначающий маскулинную организацию общества. Однако все исследовательницы различаются между собой, объединяет их желание избежать традиционного отношения к проблемам женщин и показать, основанное на различии ценность женского начала. Как пишет И. Жеребкина: «Акцентация женского в феминистской теории

позволила выделить новую философскую конструкцию субъективности – гендерно маркированную субъективность в отличие от бесполой классической. При этом необходимо отметить, что феминистский эпистемиологический поиск новых логических оснований женской субъективации в культуре осуществляется в русле общего изменения субъектности в современном мышлении и перехода от классической (просветительской, сведенной к единому и рациональному субъекту) модели к неклассической (множественная и децентрированная конструкция субъективности)» [2, с. 50].

Элен Сиксу – французская писательница, она сравнивает женское и мужское письмо. Женское письмо ей кажется более выигрышным, так как оно не основано на бинарных оппозициях, которые характерны, по ее мнению мужскому и письму, и мышлению. Она противопоставляет моносексуальность мужчины и женскую бисексуальность. Благодаря своей уникальности, женщина, по мнению Э. Сиксу, может быть счастлива, вне зависимости от мужчин.

В работе «Хохот медузы» она пишет: «Женщина, которую все еще можно напугать... – это вчерашняя женщина» [3, с. 818]. И продолжает: «И если Новые женщины, появляющиеся сейчас, рискуют творить за пределами теорий, их вызывает полиция означющего... Нас нанизывают в конец нитки, которая ведет назад... Вырывайтесь из рядов... Оглянитесь вокруг и идите на прорыв» [3, с. 819]! Таким образом, Э. Сиксу предполагает, что можно уйти от сложившегося порядка женщине, познав свое тело и множественные оргазмы. Именно желание, по ее мнению сможет разрушить существующий фаллический порядок вещей.

Юлия Кристева и Люс Иригарей также пытаются утвердить особую роль женщины. «Концепция субъективности» Ю. Кристевой является одной из ярких теорий. Интерпретируя два гегелевских термина «самосознание» и «негация», Ю. Кристева приходит к выводу об амбивалентности вещей. Она выводит «материнскую философию». По её мнению, отвратительное всегда было связано с женским началом: именно женщина во все времена считалась носителем зла. Все греховное, опасное, нечистое, соблазнительное соотносилось с женской природой. В своем эссе, посвященном отвращению, она оценивает отвращение как

«нарциссический кризис на подступах к женскому» [4, с. 245], необъяснимый ужас, испытываемый субъектом перед своей матерью. Здесь уже возникает проблемы инцеста и табуирование его.

При таком поструктуралистском подходе, когда женское противопоставляется мужскому и мужское намеренно вытесняется, происходит мистификация женского начала. В философии Л. Иригарей это приводит к полной женской самодостаточности и даже к романтизации женской половой конституции: «И как же отметить границу одного из мест, места как такового, если не через половое различие? ...И может быть мы переживаем эпоху, где время должно заново развернуть пространство. Новое утро мира? Переплавка имманентного и трансцендентного за тем *подножием*, которого как такого никогда не замечали: женский пол. Единственный доступ к *обволакивающему*. По ту сторону классических противоположностей любви и ненависти, абсолютной текучести и льда – у подножия, всегда *приоткрытого*» [5, с. 23].

Разберем «*номадическую субъективность*» Розы Брайдотти. Р. Брайдотти интересуется система властных отношений, она исследует пути преодоления подчиненной роли, на которые обречена женщина. В своих философских исследованиях Р. Брайдотти обращается к номадизму. Взяв на вооружение термин Делеза «номадический субъект», Р. Брайдотти развивает его дальше, чтобы применить к женской субъективности, для того, чтоб освободить ее из структуры власть-подчинение. Кочевничество не требует, по ее мнению, только одной либо однообразной идентичности: «Такая фигурация отражает желание идентичности, состоящей из переходов, последовательных сдвигов, смен координат, без эссенциального единства и вопреки ему. ...Это сцепление, порожденное повторениями, циклическими движениями, ритмическими перемещениями» [6, с. 145]. Розы Брайдотти, досаждает на философов-феминисток, которые «не блистают радикальным номадизмом» [6, с. 153], теоретические изыскания феминизма представляются ей «областью трансформации от оседлого логоцентрического мышления к кочевой творческой мысли» [6, с. 153]. Кочующая жизнь номада, предполагает по Р. Брайдотти, ненужность постоянной идентичности, жизнь в движении дает возможность не иметь никаких ограничений. Идентичностей может быть много, а может не быть ни одной. Такая «множественная сущность», по ее мнению, позволить признать различия и богатства опыта всех женщин.

Понятие Джона Остина «перформативность

гендера» становится ключевой в философии Джудит Батлер. Дж. Батлер ставит вопрос самым радикальным образом: «может ли политика феминизма обойтись без «субъекта» в качестве женской категории» [7, с. 164]. *Перформативная субъективность* Дж. Батлер заключается в том, что она отрицает вообще само понятие «женской идентичности», считая пол перформативным образованием. Понимание гендера в таком контексте снимает все традиционные установки и требования как либеральных, так и радикальных феминисток. Дж. Батлер подвергает деконструкции механизм желания и доказывает, что субъективность формируется как механизм «регулятивных и властных социально-культурных норм, существующих в обществе: акт “присвоения” пола не является индивидуально перформативным – он перформативен только в смысле театрализованного воспроизводства властных социальных норм “гетеросексуального закона”» [2, с. 63]. Она даже придумывает термин «гетеросексуальная матрица» или «гетеросексуальная гегемония», чтобы доказать наличие властного компонента в определении существующих гендерных отношений.

Концепции современных феминистских философов Э. Сиксу, Ю. Кристевой, Л. Иригарей, Р. Брайдотти, Дж. Батлер, работающих в постмодернистской культуре, объединяет одно – желание выбраться из иерархических властных отношениях, сложившихся в обществе. Достичь этого, можно, по их мнению, только признавая женский субъект активным субъектом знания, желания и действия. Философия феминизма занимается поиском женской идентичности, которая понимается и как отрицание мужского и даже как отрицание вообще наличия самой субъективности. Такая установка только на женское может привести к негативным последствиям. Уже сейчас социологи отмечают рост числа гражданских браков, малодетных семей, семей с одним родителем, внебрачных детей. Гармонизация гендерных отношений, вот что должно быть поставлено на карту дня. Только это может способствовать подлинным человеческим отношениям, в самом высоком смысле этого слова.

Если философия феминизма критична настроена к традиционному феминизму, то постмодернизм вообще подвергает деконструкции само понятие женской идентичности. В постмодернистских концепциях происходит не только снятие всех бинарных оппозиций, но также их уничтожение, размывание всех границ. Для примера разберем *концепцию соблазна* знаменитого французского философа Жана Бодрийера.

Само понятие «соблазн» в разных словарях понимается по-разному. В одних словарях, к примеру, сексуальных – «соблазн» – это что-то искушающее, легкое; в религиозных – это что-то очень негативное, греховное. Совсем иначе он воспринимается в постмодернизме, для которого характерен такой «тип философствования – философствование без субъекта» [8, с. 238], так как здесь нет субъекта и бинарных оппозиций, присущих классическим теориям. И в данной ситуации, «мужское» и «женское» не могут выступать как противоположности. Теоретик постмодернизма Жан Бодрийяр считает «соблазн» стратегией обольщения. Для него всё «женское» – «соблазн», которое является стратегией не противостояния, а соблазнения. Данной проблематике он посвящает целую книгу с одноименным названием. В ней Ж. Бодрийяр выступает против феминизма, который противопоставляет «мужское» и «женское». Он создает целую вселенную, без оппозиций и иерархий – «вселенную, в которой женское не противостоит мужскому, но – соблазняет» [9, с. 34]. В философии соблазна не должно быть никаких противопоставлений, никаких оппозиций. Все происходит благодаря игре. «Соблазн как таковой снимает саму идею оппозиционности, моделируя принципиально семиотичную и принципиально оборачиваемую игровую среду» [10, с. 141]. Силой соблазна является женская слабость. Она не имеет силовой характер, но подчиняет. Поэтому говорят о существующем женском кокетстве, которое покоряет мужчин. Соблазнение не имеет границ. Сущность женственности мы находим в системе символического.

Ж. Бодрийяр соблазн противопоставляет сексуальности, которая «вырастает из процесса производства (дискурса, речи и желания)» [9, с. 26]. Он откровенно придерживается биодетерминизма Фрейда: «Прав Фрейд: существует только одна сексуальность, только одно либидо – мужское. Сексуальность есть эта жесткая, дискриминантная структура, сконцентрированная на фаллосе, кастрации, имени отца, вытеснении. Другой просто не существует. Без толку пытаться вообразить нефаллическую сексуальность, без перегородок и демаркаций. Без толку пытаться в этой структуре перетаскать женское по другую сторону черты, перемешать термины оппозиции – структура либо остается прежней: все женское абсорбируется мужским; либо просто разваливается, и нет больше ни женского, ни мужского: нулевая ступень структуры» [9, с. 32-33]. В то же время, он понимает женское вне структуры.

Как считают исследователи философии Ж. Бодрийяра, он трактует женское иначе, чем это

обстоит у представителей феминизма или у Фрейда. В его философии женщина – только «видимость», мужской глубине противопоставляется не только женское как поверхность, а как «неразличимость поверхности и глубины» [9, с. 39, 40]. Все происходит благодаря символической природе «женского». Как видим, Ж. Бодрийяр женскую идентичность преподносит как символическое и сущность женщины сводит к соблазну. Постмодернизм, совершивший деструкцию над рационализмом, в данном случае размывает все границы мужского и женского и предлагает новый взгляд на привычную иерархию вещей.

Новый подход к определению женской сущности мы находим и у Камиллы Палья, одной из представительниц постфеминизма, которая нетрадиционно понимает женскую сущность. К. Палья, современная американская исследовательница, профессор гуманитарных наук Университета искусств Филадельфии написавшая скандальную книгу «Личины сексуальности» [11] и утверждающая, что все женщины жили бы до сих пор в хижинах, если бы не было мужчин, не раз подвергалась нападкам своих коллег – феминисток. Секс и сексуальность – главные темы в ее теории. Она открыто выступает против феминизма, с его, как она считает, социальной выдумкой, что есть зависимое положение женщины. Его не существует. Секс и власть – вот в чем сила женщины. С. Кузнецов пишет: «Если феминистское движение столько труда потратило, чтобы уравнивать женщин с мужчинами, то, к примеру, современный феминист К. Палья считает, что женщины должны понять свою доминирующую роль в сексуальной войне. В отличие от современных американских феминисток, она восстает не только против утвердившегося образа женщины – домашней хозяйки, но также против образа слабой женщины – жертвы (жертвы конкретных мужчин и фаллократического общества в целом), а также идеала деловой женщины, успешно конкурирующей с мужчинами «на их поле». Равные гражданские и экономические права – хорошая вещь, но, увлекшись борьбой за них, женщины словно бы отказались от своего дионисийского начала. Ведь сама цивилизация, в рамках которой осуществляются эти «равные права», была «придумана» специально для того, чтобы предохранить человечество от жестокого опьянения дионисизма, и придумана, разумеется, существами аполлоническими, мужчинами. Поэтому в аполлонических играх любая женская победа будет означать поражение женского: ибо в результате побеждает сам аполлонический, мужской принцип. Где же

спасение? Оно для К. Пальи только в одном: в утверждении дионисийской женщины, женщины-вамп, la femme fatale женщины, не скрывающей своей сексуальности, а, напротив, всячески подчеркивающей её. Секс – это основа власти женщины, которая, согласно К. Палье, предстаёт не жертвой, а хозяйкой и повелительницей почти в любых сексуальных треволнениях» [12, с. 268]. Философия К. Пальи созвучна концепции соблазна Ж. Бодрийяра. Однако, по нашему мнению, только сексуальность без духовности не может быть основой субъективности.

Мы разобрали феминистские и постмодернистские концепции известных теоретиков феминизма и пришли к выводу, что женская идентичность является главной темой в философских исканиях современных феминистских философов.

1. Нуржанов Б., Ержанова А. Феминизм и современная культурология // В кн.: *Права и свободы мужчин и женщин в свете стратегии гендерного равенства*. – Караганда: КарГУ, 2009.

2. Жеребкина И. Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности // В кн.: *Введение в гендерные исследования // В 3-х частях*. – Хрестоматия. – Харьков: ХЦГИ; М.: Алетей, 2001. – Ч. 1.

3. Сиксу Э. Хохот Медузы // В кн.: *Введение в гендерные исследования // В 3-х частях*. – Хрестоматия. – Харьков: ХЦГИ; М.: Алетей, 2001. – Ч. 2.

4. Кристева Ю. *Силы ужаса: эссе об отвращении*. – Харьков: Ф-Пресс, ХЦГИ; СПб.: Алетей, 2003.

5. Иригарей Л. *Этика полового различия*. – М.: Художественный журнал, 2004.

6. Брайдотти Р. *Путем номадизма // В кн.: Введение в гендерные исследования // В 3-х частях*. – Хрестоматия. – Харьков: ХЦГИ; М.: Алетей, 2001. – Ч. 2.

7. Батлер Дж. *От пародии к политике // В кн.: Введение в гендерные исследования // В кн.: Введение в гендерные исследования // В 3-х частях*. – Хрестоматия. – Харьков: ХЦГИ; М.: Алетей, 2001. – Ч. 2.

8. *Постмодернизм // В кн.: Словарь философских терминов*. – М.: Прогресс, 2004.

9. Бодрийяр Ж. *Соблазн*. – М.: Ad Marginem, 2000.

10. Грицанов А. А., Н. Л. Кацук. *Преодоление основополагающего бинаризма европейской культуры. Снятие противопоставленности «мужского» и «женского». «О соблазне» // В кн.: Грицанов А. А., Н. Л. Кацук. Жан Бодрийяр*. – Минск: Книжный Дом, 2008. – С. 141.

11. Палья К. *Личины сексуальности / под ред. С. Никитина*. – Екатеринбург, 2006. – 880 с.

12. Кузнецов С. *Камилла Палья: чёрная овца в стаде американского феминизма // Иностранная литература*. – 1996. – № 10.

Мақалада қазіргі қоғамдағы феминизм философиясы қарастырылады.

There is a philosophy of feminism in modern society is discussed in this article.

А.С. Қабылова

ФИЛОСОФИЯЛЫҚ МОРАЛЬ ЖӘНЕ БАҚЫТ ҰҒЫМЫ

Философиялық мораль адамның іс-әрекетіне сүйене отырып, ақиқат ұғым бар аймақтарда тез игеріледі. Ол біртіндеп жүйеленіп дағдыланып, өз орнын табады. Тоқ етеріне келгенде философиялық моральды ұстанғандардың барлығы құлықтылық пен өнегелік екі өмірде де нағыз бақыттың кілті деген пікірді ұсынады. Бұл ұсынысты Сократ, Платон, Аристотельден бастап басқа да ғылым алыптары қолдаған. Философиялық мораль екі сұраққа жауап іздейді: біріншісі, «Адамның бақытты өмір сүруіне не қажет» және екіншісі, «адам қалай өмір сүру керек». Философтардың бұл сұраққа екі түрлі жауабы бар: әуелгілері, бақытты өмір дегеніміз сүйсіну сезіміне бөлену, рақаттылық, ризалану пайымымен үндеседі, ал кейінгілерінің пікірінше бақытты өмір дегеніміз қанағатшылдық, қайғыдан аулақ, Бірінші Тұлғаға бас иіп табынумен суреттеледі. Ал бірінші тұлғаның

(Алланың) болмысы ең жетілген болмыс болғандықтан, оның сұлулығы басқа сұлулық иелерінің бәрінен асып түседі. Және Бірінші Тұлғаға (Аллаға) берілетін атаулар бұл өзі, біздің айнала төңірегіміздегі нәрселердің жетілгендігін және тамаша артықшылығын көрсететін атаулар, алайда, бұл атаулардың бірде-біреуі оның субстанциясындағы оған тән кемелдікті көрсетпейді. Қайырымдылық бақытқа жету үшін керек. Зұлымдық бақытқа жетуге кедергі жасайды. Нақ осы сияқты, қайсыбір салада тамаша қасиеті барлармен салыстырғанда, жаратылысынан жетілмеген қасиеттері бар адамдар жақсы тәрбие алудың арқасында, жаратылысынан өте абзал қасиеттері бар адамдардың тәрбиесін көрмегендер мен салыстырғанда, анағұрлым лайықты адамдарға айналады. Алайда бұл екі жауап та философиялық моральдың екінші сұрағына қатысты сияқты.